

РЕЛИГИОЗНАЯ МОРАЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ

ХОРУНЖИЙ Сергей Николаевич

Аннотация. В статье рассмотрены историко-правовые аспекты взаимодействия правовых и религиозных норм, требований морали и нравственности. Раскрыта объективная историческая взаимосвязь между религиозными и культурными ценностями и нормативным содержанием современной правовой среды.

Annotation. The article analyzes historical and legal aspects of interaction between legal and religious norms, moral requirements, and ethics. The author discloses objective historical relationship between the religious and cultural values and normative content of the modern legal environment.

Ключевые слова: право, мораль, этика, справедливость, религиозные нормы, правовая среда, государство.

Keywords: law, morality, ethics, justice, religious norms, legal sphere, the state.

Диалог культур становится возможным и логически непреодолимым следствием признания нравственных ценностей каждой из них. Когда-то раскрытие Божественного присутствия у горы Синай многочисленному народу Израиля, совершавшему исход из Египта, позволило освободиться от религиозных и культурных влияний египетских последователей «Книги мертвых». Однако корни такой религии продолжают в наше время воспроизводить семена нравственного релятивизма, когда мерилom становится каждый человек с его пониманием относительности истины, ее исторической и этической изменчивости, постулируя порой аморальную вседозволенность. Современная общественная и юридическая жизнь свидетельствует о происходящих изменениях не только в части отдельных ценностных ориентаций, но в целом – о формировании специфической правовой среды, в нормативном содержании которой теряются связи между моралью и правом, нравственностью и законом.

Правовая среда рассматривается нами как совокупность общественных отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соответствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период ее развития¹. При этом религиозные

ценности рассматриваются в объективной и неразрывной связи с этапами культурного и нравственного развития общества и государства².

Попытки отказаться от истоков нравственных норм и правил, объявить их архаизмами морали прошлых времен и взять в качестве основы рационализированные требования современной цивилизации не приводят к признанию человеком абсолютной этической необходимости. Это сродни одной из первых попыток расщепления введения единых правил египетским фараоном Аменхотепом IV, который придумал (возможно, по-человечески, правильную, но лишенную духовного источника жизни) доктрину монотеизма, заменив многообразие божеств Египта единым – солнцем (Атон). Однако даже облачение себя в имя Эхнатон («Слава Солнца», «Полезный для Атона») не спасло его от гибели в результате заговора адептов указанной выше «религии мертвых».

Видимо, проблема состояла не просто в определении необходимости движения, но в выборе правильного направления, которое фараон не смог увидеть, – к духовному, отчас-

¹ См.: Чердаков О.И., Жильцов Н.А. Концепция инновационного развития правовой среды. М., 2013; Хорунжий С.Н. Доктринальные аспекты правовой среды. Воронеж, 2014.

² См. напр., подробное историко-философское исследование развития христианской апологетики, адаптации языческой греко-римской культуры, их соционормативного взаимовлияния на становление фундамента современных этических норм и правил; Морескини К. История патристической философии. М., 2011. Ретроспективный анализ базовых отношений между авторитетом и властью, законом и моралью через призму этических требований и нравственных проблем в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. см.: Исаев И.А. Власть: авторитет и закон // История государства и права. 2014. № 1. С. 3–7.

ти иррациональному, источнику нравственности и морали.

Подобным образом в наше время процесс абсолютизации права в качестве основного и единственного регулятора общественной жизни приводит порой к полному замещению морально-нравственных требований регулятивными и охранительными нормами законодательного акта светской власти. Заметим, что указанный процесс с точки зрения исторического развития общества и государства является вполне закономерным: нормы действующего закона объективно возникли на основе государственного инкорпорирования этических и религиозных правил, табуирования асоциальных форм поведения.

В рамках европейской культуры обмирщение закона, как это ни парадоксально, можно было наблюдать в период становления христианства, когда закон стал утрачивать свою тождественность идеалу совершенной жизни. Исследователи указывают: «Когда же национальная религия все же была удалена из этого синтеза, то тем самым и из римского закона удалился его божественный смысл и взамен был оставлен только смысл земной»³. Новое обретение внутреннего содержания, духа закона («иррационального в рациональном») произошло значительно позднее, в период «современного» права: как указывает И.А. Исаев, «именно мистика могла способствовать утверждению рационального жизненного поведения», а правопорядок оказался той «внешней формой, которую с одинаковым успехом могли принять божественное, “естественное” и позитивное право»⁴.

Большое значение приобретает здесь поиск адекватных вариантов и способов сочетания этических правил социального поведения с нормативными предписаниями закона. Довольно интересно данная проблема была решена в рамках иудейской практики законоучителей, которые активно использовали фикции при интерпретации религиозного закона применительно к требованиям «обычной» (насколько это в принципе возможно в рамках ортодоксального иудаизма) жизни. Как указы-

вает И.В. Филимонова, для оправдания фактического упразднения священной нормы закон подвергался новому толкованию, в соответствии с которым указывалось на его человеческое, небожественное происхождение. Отсюда закономерно следовал вывод о возможности отмены ранее исполняемого установления, предписанного не Богом, но мудрецами. Иными словами, по мнению автора, происходило «прекращение фактического действия закона без формальной отмены нормы и прямого отказа от традиционных устоев»⁵.

Происходящие в настоящее время изменения правовой среды граничат порой с самыми радикальными проявлениями государственного этатизма при внешнем либеральном благолепии демократических основ. Речь идет о максимально широком юридическом замещении требований правил морали исполнением норм закона. Мораль и нравственность объявляются неполиткорректными, нетолерантными и архаичными. К большому сожалению, в эту категорию попадают множество фундаментальных ценностей, уходящих своими корнями в истоки формирования нашей цивилизации, ее культурный код и правовая среда в целом. Именно по этой причине Президентом РФ указано на необходимость защиты традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира⁶.

Действительно, эволюция человеческого общества, изменение культурно-технологических основ ставят сейчас множество вопросов. Если в античное время, Средние века поведение человека, а значит и детерминирующая его мотивация, определялись решением вопросов сущностного, бытийного характера, то в наше время функциональный аспект практически полностью вымысел субстанциональный: самобытная личность заменена обезличенной персоной (маской).

³ Исаев И.А. «О противоречиях у стоиков»: естественное право и справедливость // История государства и права. 2013. № 17. С. 5.

⁴ Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : моногр. М., 2015. С. 158.

⁵ Филимонова И.В. Фикции древнего иудейского права // История государства и права. 2015. № 17. С. 17.

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г.; см. также: Гогин А.А. К вопросу о защите нравственности как фундаментальной социальной ценности // История государства и права. 2015. № 13. С. 14–18.

Однако этим проблема не исчерпывается, напротив, она порождает множество других негативных последствий: речь идет о феноменологической редукции категории «справедливость». Отметим, что и в настоящее время справедливость активно используется в самых разных отраслях науки, социальной жизни, нормативного бытия общества и государства в целом. Вместе с тем мы наблюдаем изменение акцентуации в определении ее аксиологических корней. Если в прежние времена справедливость всегда оставалась элементом морально-нравственной парадигмы мира, то сейчас она является компонентом законодательной техники и процедур легитимации⁷. Самое печальное, что при этом происходит выхолащивание потаенных корней справедливости, часто скрытых в сакрализованных нормах этических установок. Мораль и нравственность так или иначе приводят нас к религиозным (или псевдорелигиозным) ценностям, имеющим в своей основе иррациональное, священное происхождение. В то же время запрет на логическое осмысление трансцендентных основ существовавших правил поведения позволял ограничить проникновение профанного сознания в эту сферу и осквернения незыблемых устоев человеческого общества и государства.

В наше время – эпоху светских предписаний – проблема источника легитимности норм переместилась из сферы священного и посвященного в сторону непросвещенного. Юридический позитивизм не нуждается в признании духовного авторитета законодательства. Однако представляется недопустимым исключать из сферы обязательности исполнение норм морали и нравственности, объявлять их архаизмами только в силу того, что они не поддаются рационализации.

Как справедливо отмечается в научной литературе, по своим функциям нормы права и религиозные нормы крайне сложно отличить друг от друга: сопоставление показывает, что между ними имеется больше сходств, чем различий, а развитие правовых норм часто идет параллельно религиозным, взаимозависимо, с перетеканием из одних в другие⁸.

⁷ Подробнее см.: Арапов А.В., Хорунжий С.Н. Ортодоксия как сочлененный институт христианской теологии и юриспруденции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». 2015. № 2 (15). С. 84–94.

⁸ Подробнее об этом см.: Пашенцев Д.А. Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2015. № 17. С. 33–38.

Мораль, нравственность, справедливость всегда имеют некую религиозную составляющую, поэтому, когда право проистекает из морали, оно тоже несет в себе этот элемент сакральности, неосознанности, скрытости, табуирования. Более того, даже в атеистической среде массовая мораль не лишается указанных качеств. Как справедливо отмечает председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, общественная мораль обычно воспроизводится без религиозных адресаций и назиданий, но передается через культуру, которая в свою очередь обеспечивает преемственность массовой социальной морали, освященной религией, культурой и традицией⁹.

Религиозное табуирование отчасти позволяло исключить (скрыть) самые низменные проявления человеческих качеств, ведущие к разрушению древних социально-архаических обществ, постепенно вводя более тонкие (моральные) регуляторы поведения. Именно в результате выбора между добром и злом «произрастают государственные институты, то есть опосредованная, как бы окаменевшая государственная мораль»¹⁰.

При отрицании глубинных корней происхождения норм морали и нравственности мы отвергаем также нормы, которые исторически объективно являются фундаментом нормативного содержания современной правовой среды. В конечном счете данные нормы теряют свое ценностное содержание, становятся исключительно правоисполнительным требованием. Следовательно, соблюдая «демократическую процедуру», можно ввести и разрешить любое поведение! Главное при этом – обеспечить соблюдение технико-юридических правил. В случае выбора такого пути развития общества мы исключаем не только мораль, но и справедливость, которые изначально лежали в истоках современного права и культуры европейской цивилизации, т. е. своим настоящим отрицаем прошлое и тем самым ставим под большой вопрос общее будущее. Думается, именно в этом значении будет правильно говорить о принципе универсализма (Ю. Хабермас). При этом, как справедливо подчеркивается в научной

⁹ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: моногр. М., 2013. С. 340–351.

¹⁰ Арон Л. Самоограничение власти. О моральном и личном выборе при построении новой российской государственности // Независимая газета. 2012. 28 нояб.

литературе, в «качестве “моральных” рассматриваются именно такие нормы, которые допускают универсализацию и не варьируются в зависимости от социальных пространств и исторических времен»¹¹; сам же принцип универсальности означает, что «на значимость могут претендовать только те нормы, которые получают (или могли бы получить) одобрение со стороны всех заинтересованных лиц как участников практического дискурса»¹². В противном случае право, потеряв черты признанных социальным большинством уникальных предписаний, станет гомологичным

субстратом глобального мира, лишенным всякой индивидуальности, а значит, и персональной, личностной ценности.

В отношении же архаичной универсализации тотемизма, предпринятого Аменхотепом IV позволим цитату из комментария к книге Шмот (Исход): «Там, где нет представления о Боге, не может быть и представления о человеке»¹³. Закон без признания истоков нравственности и истины также превращается в тотем – социальный или юридический, но всегда с очевидным печальным исходом.

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Арапов, А.В. Ортодоксия как сочлененный институт христианской теологии и юриспруденции / А.В. Арапов, С.Н. Хорунжий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». – 2015. – № 2 (15).
3. Арон, Л. Самоограничение власти. О моральном и личностном выборе при построении новой российской государственности // Независимая газета. – 2012. – 28 нояб.
4. Гогин, А.А. К вопросу о защите нравственности как фундаментальной социальной ценности // История государства и права. – 2015. – № 13.
5. Демина, Л.А. Мораль, право и международный правопорядок в теории дискурса Юргена Хабермаса // История государства и права. – 2015. – № 6.
6. Зорькин, В.Д. Право в условиях глобальных перемен : моногр. – М., 2013.
7. Исаев, И.А. «О противоречиях у стоиков»: естественное право и справедливость // История государства и права. – 2013. – № 17.
8. Исаев, И.А. Власть: авторитет и закон // История государства и права. – 2014. – № 1.
9. Исаев, И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : моногр. – М., 2015.
10. Морескини, К. История патристической философии. – М., 2011.
11. Пашенцев, Д.А. Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. – 2015. – № 17.
12. Тора. Пятикнижие и Гафтарот (ивритский текст с русским переводом и классическими комментариями «Сончино») / коммент. Й. Герц. – М. ; Иерусалим, 2004.
13. Филимонова, И.В. Фикции древнего иудейского права // История государства и права. – 2015. – № 17.
14. Хорунжий, С.Н. Доктринальные аспекты правовой среды. – Воронеж, 2014.
15. Чердаков, О.И. Концепция инновационного развития правовой среды / О.И. Чердаков, Н.А. Жильцов. – М., 2013.

¹¹ Демина Л.А. Мораль, право и международный правопорядок в теории дискурса Юргена Хабермаса // История государства и права. 2015. № 6. С. 24.

¹² Там же. С. 26.

¹³ Тора. Пятикнижие и Гафтарот (ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино») / коммент. Й. Герц. М. ; Иерусалим, 2004. С.545.